

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ

СТЫЛАЯ ТОПЬ

ЭСПЕДЖО

Александра Шервинская

Стылая Топь. Эспеджо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70006855

SelfPub; 2023

Аннотация

Так бывает: живёшь себе спокойно, ходишь в походы с друзьями, ведёшь блог и пишешь статьи для нескольких интернет-порталов. Но вдруг узнаешь, что у тебя есть вторая жизнь, о которой ты даже не подозревал. И в этой другой жизни ты не журналист Костя Храмцов, а Ловчий, охотник на тварей Изнанки, один из немногих оставшихся в живых Мастеров. Как быть, когда две судьбы переплетаются, когда порой не ясно, где сон, а где явь? Что делать, если друзья, с которыми ты отправился в самый обычный поход, превращаются в монстров? Где взять силы, чтобы уничтожить их, потому что такова твоя работа и твоя судьба? Как узнать, кто друг, а кто враг? И как выбрать, как понять, в каком мире ты – настоящий?* эспеджо – зеркало (исп.)

Александра Шервинская

Стылая Топь. Эспеджо

1

Глава 1

Таких высоких елей я не видел никогда в жизни: казалось, что их острые верхушки упираются прямо в тёмно-фиолетовое звёздное небо. Оно низко нависало над широкой лесной тропой, почти дорогой, которая упрямо продиралась сквозь мрачный ночной лес, и с потрясающим равнодушием смотрело на шестерых путников. Ему было абсолютно всё равно, куда эти люди шагают почти в кромешной темноте, почему им не сидится дома, какая такая нужда погнала их в дорогу ночью. Оно просто освещало им путь неярким лунным светом, выполняя уже порядком поднадоевшую за миллионы лет работу.

Эти мысли медленно и устало проползли в моей голове, так как на большее сил уже просто не хватало. Наверное, будь я хоть чуть менее усталым, непременно заметил бы, что заросли невысоких кустов, залитые серебристыми лучами, стали похожи на удивительные сказочные фигуры, что среди ветвей то тут, то там вспыхивали огоньки глаз мелкой ночной живности.

Но шагающим по дороге людям было не до мрачноватой красоты окружающего их векового леса. Мы мечтали об од-

ном: дойти до обозначенной на карте деревушки с многообещающим названием Стылая Топь.

Двухдневный поход, задуманный как последний в этом сезоне, неожиданно затянулся. Если бы всё шло по плану, то до деревни мы добрались бы ещё вчера днём, сходили бы к якобы имеющемуся в окрестностях Топи «месту силы» и, благополучно переночевав в каком-нибудь пустующем сарае, утром вышли бы в обратный путь. Но с самого начала всё пошло не так.

Неприятности начались с того, что автобус, на котором наша группа добиралась до точки начала маршрута, сломался, не дотянув до нужного поворота около пяти километров. Пришлось выгружаться и топать вдоль грунтовки, глотая пыль из-под колёс редких автомобилей.

– Ну вот не гадство? – Катрин, шедшая перед Кирой, раздражённо пнула ни в чём не повинный камешек. – Чувствовала я, что не надо было идти, а вы меня уболтали. Теперь тащусь тут с вами по жаре, как последняя дура, вместо того чтобы сидеть на веранде и пить ледяной мохито.

– Можно подумать, что тебя связали или под дулом автомата заставили с нами идти, – проворчал шедший первым Антон, самый старший из нас, негласный лидер и организатор всех наших походов, человек серьёзный, даже, кажется, обременённый кандидатской степенью каких-то технических наук. – Могла отказаться...

– Не могла, – Катрин хмуро взглянула на спину сосредото-

ченно изучающего непролозные хвойные заросли Антона, – не люблю незавершённых проектов.

Шедшая позади Диана негромко фыркнула, но ничего, впрочем, не сказала. Дело было в том, что о нежных чувствах, которые испытывала Катрин к Антону, знали абсолютно все, кроме, собственно, самого объекта. Он то ли ничего не замечал, то ли умело прикидывался слепым и глухим, но ни разу за три года не дал понять, что знает о влюблённости Катрин.

– Ну вот и не ворчи, – Антон, так и не оглянувшись, вытащил из кармана смартфон и в очередной раз открыл карту. – Осталось совсем немного, меньше километра. Там сворачиваем в лес и по грунтовке идём семь с половиной километров до Стылой Топи. К сумеркам как раз успеем определиться с ночлегом, а к камню уже с утра тогда пойдём.

– Да уж, идея бродить по лесам в темноте не слишком вдохновляет, – откликнулся идущий предпоследним Фишер, – я уже согласен даже на не слишком цивилизный сеновал, лишь бы завалиться хоть куда-нибудь. Ноги, если честно, отваливаются.

– Неженка, – фыркнула Кира, – мы прошли-то всего ничего, а ты уже ноешь, слабак.

– Я тоже тебя люблю, – тут же отозвался Фишер, вызвав насмешливое покашливание Катрин и Дианы. – Почти как ты меня, а может быть, даже больше.

Кира, не оборачиваясь, показала ему руку с поднятым

средним пальцем, демонстрируя своё однозначное отношение к подколкам приятеля.

Надо сказать, что компания наша ничем не отличалась от десятков и даже сотен, а может, и тысяч аналогичных: шесть человек, знакомых друг с другом несколько лет и связанных общим интересом. Все мы любили пеший туризм, сплавы на байдарках и велопоходы. Идейным вдохновителем и отцом-основателем, если можно так выразиться, был Антон – именно ему принадлежала идея образования постоянной группы. Он сначала привлёк Киру, с которой в своё время вместе учился в универе, она привела Катрин, свою школьную подругу. Та, в свою очередь, позвала Фишера (вообще-то он Роберт, но из-за увлечения шахматами все звали его Фишером, как знаменитого американского шахматиста, Бобби Фишера). Он позвал меня, а я прихватил для компании Диану, на тот момент бывшую моей девушкой. Все, кто присоединялся к нам позже, почему-то не задерживались, быстро отсеиваясь по тем или иным причинам. Так и получилось, что последние три года мы путешествовали постоянным составом и уже никого больше не приглашали. За это время Катрин всерьёз и безнадежно увлеклась Антоном, я расстался с Дианой, умудрившись сохранить приятельские отношения, а Кира и Фишер никак не могли определиться, чего между ними больше: неприязни или симпатии.

Ах, да, я совсем забыл представиться. Меня зовут Константин Храпцов, и я начинающий блогер и журналист –

единственный гуманитарий в нашей чудесной компании. Антон и Кира специалисты в области цифровых коммуникаций, Диана – модный фитнес-тренер, Катрин трудится бухгалтером в какой-то строительной фирме, а Фишер в этой самой фирме руководит продавцами. Вот такие мы все разные, и по возрасту, и по профессии, но, тем не менее, нам вместе комфортно и весело.

Когда через обещанные Антохой «меньше километра» мы увидели поворот на лесную дорогу, все с облегчением перевели дыхание: значит, всё наладилось и теперь наконец-то пойдёт в соответствии с тщательно проработанным планом.

Мы свернули на усыпанную хвоей грунтовку и, вслух радуясь тому, что вокруг теперь будет исключительно свежий воздух, бодро зашагали в сторону от дороги. Оставшиеся семь с половиной километров мы должны были пройти часа за два даже при условии, что будем глазеть по сторонам и слушать пение птичек.

Дорога для лесного просёлка была удивительно утоптанной и прямой: никаких поворотов или изгибов, как правило, неизбежных в лесах. Идти по ней было одно удовольствие, да и солнышко успело сползти за макушки самых высоких деревьев и уже не пекло, а ласково пригревало.

Но через пару часов эйфория постепенно начала сменяться сначала недоумением, затем вполне объяснимым раздражением, а последний час в воздухе отчётливо ощущался терпкий привкус тревоги. Ни малейших признаков того, что

где-то поблизости есть деревня, не было и в помине: дорога по-прежнему стелилась под ноги, вгрызаясь в сплошной хвойный лес, с каждой минутой становившийся всё темнее.

– Дорога слишком нахоженная, чтобы тупо закончиться посреди леса, – наконец-то решился заговорить вслух Фишер, – значит, по ней кто-то регулярно ходит, иначе она заросла бы за несколько недель.

– Если брать в расчёт качество дороги, то ближайший населённый пункт должен быть достаточно большим. Одина два пешехода так траву не вытопчут, – обрадовавшись, что кто-то рискнул нарушить гнетущее молчание, откликнулась Кира, – значит, эта Стылая Топь – достаточно крупная деревня.

– Угу, осталось до неё дойти, – нервно поглядывая на почти совсем скрывшееся за деревьями солнце, пробормотала Катрин. – И будет нам всем счастье.

– А карта что говорит? – я решил принять участие в обсуждении проблемы, так как даже если мы поругаемся, это будет лучше липкого напряжённого молчания.

– Ничего она не говорит, – помолчав, неохотно отозвался Антон, – по одной простой причине: тут нет даже просто сети, не то что интернета. Так что карта превратилась в обычную картинку, причём не актуальную.

Чтобы не провоцировать ссору, никто не стал ничего говорить по поводу того, что с маршрутом изначально было что-то не так. Антоха вообще очень болезненно относился

к критике своих разработок, даже если это был всего лишь выбранный по карте путь.

Вечерние сумерки постепенно сменились густой темной ночью, а мы с каким-то непонятным упрямством продолжали мерить шагами по-прежнему утоптанную грунтовку. Впрочем, темп движения заметно снизился, и мы уже, скорее, брели, иногда спотыкаясь на ровном месте и вполголоса матерясь.

Под ногами еле слышно шуршал песок, а обрушившаяся с тёмно-фиолетового неба тишина словно усиливала каждый звук, каждый шорох, каждый еле слышный хруст. Мы шли вперёд, даже не глядя на высающиеся по сторонам чёрные ели, лапы которых сплелись в плотную колючую изгородь. Ночной воздух был полон запахов хвои, прелых листьев и почему-то болотной стоячей воды. Я хотел было поинтересоваться у Антохи, не было ли на карте в окрестностях Стылой Топи болота, но промолчал, подумав, что название деревни говорит само за себя.

С неба падали серебристые и почему-то зеленоватые отсветы, благодаря которым мы не натыкались друг на друга, а дорога словно отсвечивала неживым бледным сиянием. Было ощущение, что мы шагаем по лунной тропе, как герои какой-нибудь сказки или мрачной мистической истории.

– Ещё полчаса, и я упаду прямо там, где буду в тот момент стоять, – голос Катрин раздался так неожиданно, что я вздрогнул и в очередной раз споткнулся. Но слова смогли

разрушить давящую тишину, и почему-то сразу стало проще и легче дышать.

– Согласен, – проскрипел Фишер, который в принципе не слишком любил длительные пешие переходы, предпочитая велосипед или сплав по воде. – У меня ощущение, что мы скоро дойдём до экватора, а потом и до полюса... как нефиг делать...

– До Южного или до Северного? – голос Киры был усталым, но не прокомментировать реплику Фишера она, разумеется, не могла.

– А тебе не всё равно? – видимо, Фишер так устал, что даже в перепалку вступил с неохотой. – Мне, например, уже вообще без разницы.

– А пингины на каком водятся? – зачем-то спросила Диана.

– Вроде на Южном, – отозвался Антон, – а тебе зачем?

– Тогда давайте пойдём на Южный, всегда хотела посмотреть на пингинов и понять, похожи они на тех, что в «Мадагаскаре», или нет.

– Которые «улыбаемся и машем»? – уточнил Фишер. – Думаешь, они и тебе помашут и покажут дорогу к цивилизации?

– Я бы не отказалась, потому что, если честно, уже задолбалась тащиться по этой живописной дороге в никуда.

Тут Диана, судя по всему, резко затормозила, потому что я чуть не врезался в идущего передо мной Фишера.

– Опаньки...

Я не обратил внимания на то, кто это сказал, так как вместе со всеми ошарашенно смотрел на добротный высокий частокол, в который упёрлась дорога.

– Что за хрень? – как-то даже растерянно спросил непонятно у кого Фишер. – Его же не было... Антох, ведь не было же, скажи...

– Однозначно, я как раз подумал, что придётся ночевать на обочине, так как впереди были только лес и дорога...

– Я пойду пощупаю, бывает ешшо оптический обман здрения, – процитировала старый мультик про волшебное кольцо Кира и с явным облегчением сбросила рюкзак.

– Кир, не надо, а, – Катрин неожиданно схватила её за рукав, – ну его на фиг, забор этот, не ходи, ну, пожалуйста!

– Да ты чего? – Кира изумлённо вытаращилась на непонятно почему встревоженную подругу. – Это ж просто забор!

– Просто заборы не появляются ниоткуда, – даже в темноте было видно, как побледнела Катрин и как неестественно заблестели её глаза, – и потом, вас никого ничего не смущает? Помимо того, что забор вообще тут возник?

– Нет, а что? – Фишер пожал плечами. – Возник, и отлично, значит, не наврала Антохина карта.

– А ничего, что дорога утыкается в забор, а калитки или ворот не наблюдается?

– Да твою ж мать, – сплюнул Фишер, скидывая рюкзак и усаживаясь прямо на траву, – да что ж всё через задницу-то

в этот раз? Даже забор – и тот с придурью!

Я молча подошёл к частоколу и, не прикасаясь, внимательно в него всмотрелся. Толстые брёвна, спиленные явно не один год назад, о чём свидетельствовало то, что они давно потемнели и кое-где потрескались, были вкопаны в землю и заострены сверху. Причём стояли они настолько плотно друг к другу, что между ними не было ни единой щёлочки, сквозь которую можно было бы заглянуть внутрь. Частокол перегородивал дорогу и уходил в еловые заросли в обе стороны. При этом ничего паранормального или сверхъестественного в нём не было, во всяком случае, на первый взгляд. Частокол как частокол... Если бы ещё в нём калитку найти – вообще праздник был бы.

– Может, попробовать перелезть? – задумчиво задирая голову, проговорил Антон. – Сколько тут? Метра два с половиной? Три?

– Три как минимум, так что без специальной приспособы не забраться, – я критически взглянул на ровные и гладкие брёвна, – элементарно не за что уцепиться. Разве что... – тут я почесал в затылке, – сделать петлю, накинуть на заострённую верхушку и подтянуться.

– Ребят, давайте попробуем, – Кира подошла ближе, оглядываясь на Катрин, которая начинала всерьёз беспокоить нас странным поведением: она уселась на свой рюкзак, повернувшись спиной к частоколу, и обхватила себя за плечи, словно замёрзла, хотя ночь выдалась на удивление тёплая. –

Убедимся, что там эта самая Стылая Топь и попросимся переночевать. Не прогонят же нас ночью, правда?

Я посмотрел на мощный частокол и хотел сказать, что вряд ли его воздвигли жизнерадостные и гостеприимные люди, но взглянул на уставших друзей и промолчал. Не пустят – переночуем на пяточке возле ограды, не сахарные, не растаем, тем более что ночевать нам порой приходилось и в более спартанских условиях.

– Я не был бы так уверен, но не попробуем – не узнаем, – Антон был настроен более решительно, чем я, – Костян, давай, ты из нас самый опытный в этом деле, так что тебе, как говорится, и карты в руки. Точнее, верёвка. К тому же ты самый молодой и, следовательно, устал меньше остальных.

С этими словами он нырнул куда-то в недра своего безразмерного рюкзака и извлёк моток самой обыкновенной верёвки.

– А репшура нету? – без особой надежды поинтересовался я, поборов желание сказать что-нибудь язвительное по поводу того, что некоторые, те, которые самые старшие и опытные, накосячили столько, что молодым и не снилось.

– Слушай, это же не Эверест, а всего лишь высокий забор, – Диана, с которой мы в своё время и сблизились на почве любительского скалолазания, сердито посмотрела в мою сторону, но я сделал вид, что в темноте не заметил её бледности и нервного румянца. Джентльмен я или где?

Какое-то время не было слышно ничего кроме моего со-

пения и негромких вздохов всех остальных.

– Вы все так на меня смотрите, что я чувствую себя одновременно Вельценбахом и Тилльманом, поднимающимися по Фишерванд, – ворчал я, примериваясь к обычной, не альпинистской верёвке и соображая, какой узел правильнее использовать.

– При чём здесь Фишер? – невпопад спросила Кира, но я только рукой махнул, мол, не вникай, всё равно тебе это не надо. Примерившись, закинул петлю на частокол, и она послушно обвилась вокруг одного из брёвен. Для очистки совести я несколько раз сильно дёрнул за неё, но верёвка держалась крепко, петля и не думала развязываться. Подпрыгнув, я ухватился за шнур и уже через несколько секунд смог заглянуть внутрь огороженной территории.

Я подтянулся на руках и постарался устроиться между двумя заострёнными брёвнами, как в седле, перекинув одну ногу на «терра инкогнита».

2

Глава 2

Я сидел верхом на частокоче – не скажу, что это было очень удобно, но зато обзор открывался прекрасный – и задумчиво рассматривал открывшуюся мне картину.

Не скажу, что ожидал увидеть оживлённую площадь, так как на дворе была уже глубокая ночь, то есть время, когда нормальные люди спят. Но и такое абсолютное отсутствие хоть какого-то движения тоже не выглядело естественным.

Не лаяли собаки, не шуршали мыши или крысы, не летали и не ухали ночные птицы, даже комары, кажется, не звенели... Было ощущение, что на территории внутри частогокола время и жизнь просто остановились, застыли, как мухи в янтаре.

Я насчитал около двух десятков домов, в прихотливом порядке разбросанных внутри частогокола. Попытался отыскать хоть какую-то логику в их расположении, но не смог: если в центре ещё извивалась тропинка и дома как-то лепились к ней, то в стороне они стояли абы как, иногда вообще развернувшись к дорожке глухой стеной.

При этом ни в одном окне не горел свет, отчего картина становилась ещё более мрачной и унылой. Ясно было одно: искать кого-то, кто нам поможет попасть внутрь, совершенно бесполезно.

Я всмотрелся вдаль, стараясь разглядеть забор с противоположной стороны, но ничего, естественно, не увидел. Было впечатление, что деревня просто растворяется в чаще леса, словно сахар в горячем чае.

– Ну, чего там? – громким шёпотом поинтересовался блаженно вытянувший ноги Фишер. – Селяне спят?

– Естественно, они спят, ночь на дворе, если ты вдруг не заметил, – фыркнула Кира, но тоже не удержалась от вопроса. – Есть там кто живой, Костик?

– Пока не видать, – я ещё раз честно всмотрелся в тёмные и какие-то на удивление неприветливые строения, – у меня ощущение, что там вообще никого нет, ни живого, ни како-

го-нибудь ещё...

– Идиотская шутка, – Катрин зябко передёрнула плечами и вдруг склонила голову к плечу, прислушиваясь, – что это? Слышите?

Откуда-то из-за деревьев доносился постепенно становящийся всё громче звук работающего автомобильного мотора. Я почувствовал, что перестаю хоть что-то понимать: дорога была совершенно пустой, никакой машины на ней не наблюдалось. Вот такая вот странность: звук был, а машины, его издающей, не было.

Все столпились возле частотола, и я, скользнув по верёвке, присоединился к остальным. В ночном мраке сначала появились два пятна света, а затем постепенно проступил и контур машины. Фары погасли, и старенькая, выдавшая виды «Нива», раскрашенная зелёными, серыми и коричневыми пятнами в некое подобие камуфляжа, скрипнула тормозами и замерла в шаге от нас.

Какое-то время возле частотола царила тишина, а потом водительская дверца «Нивы» открылась, и из салона выбрался здоровенный мужик лет тридцати пяти. Мощная фигура была упакована в достаточно дорогой «натовский» камуфляж, правда, уже изрядно потрёпанный.

Он молча смотрел на нас сквозь странно выглядящие в это время суток тёмные очки, медленно покачиваясь с пяток на носки. Ни вопросов, кто мы такие и откуда здесь взялись посреди ночи, ни предложения помочь, ни слова – незнако-

мец явно ждал, что мы сами начнём разговор. Да не вопрос вообще!

– Здравствуйте, – я сделал шаг вперёд и услышал, как за спиной кто-то из девчонок вздохнул с явным облегчением, – мы туристы, шли в Стылую Топь и, похоже, слегка заплутали. Не подскажите, где тут переночевать можно?

– Туристы? – голос у мужика оказался под стать внешности: низкий, хриплый, словно простуженный. – Туристы – это хорошо, а много туристов – вообще шикарно. Давненько ваш брат не забредал в наши края.

– Так что насчёт ночёвки-то? – повторил я, мимоходом удивившись тому, что в голосе мужика промелькнуло явное удовольствие, даже какое-то предвкушение. Так соскучились по гостям? – Мы хотели в деревне поспрашивать, но не смогли ворота найти.

– А эти вам чем не угодили? – удивление в хриплом голосе казалось почти натуральным, но ключевым было именно слово «почти».

– Какие?

– Да вот эти, – он, по-прежнему не вынимая руки из карманов, подбородком указал куда-то за нас, – как по мне, так отличные ворота. Крепкие, надёжные, не вдруг и сломаешь.

Мы, как по команде, обернулись и замерли. Кто-то, кажется, это был Фишер, произнёс длинную и очень эмоциональную фразу, состоящую исключительно из матерных слов. Неприлично, зато от души!

Аккурат посреди частокола, там, куда упиралась грунтовка, красовались массивные ворота, окованные по периметру широкой металлической полосой. Выглядели они такими же мощными и крепкими, как и весь остальной забор. Но! Раньше. Их. Тут. Не. Было. Не могли же мы все шестеро не заметить эти просто бросающиеся в глаза ворота, запертые, видимо, изнутри.

– Их же тут не было, – растерянно озвучила общее потрясение Кира, – откуда они вдруг появились, что за хрень вообще?!

– Плюсую, – пробормотала Диана, – я тоже ничего не понимаю.

– Слушайте, а давайте вернёмся, а? – Фишер поднялся с земли и, подойдя к воротам, зачем-то попинал их ногой. – Ну его на фиг это место силы, я как-то уже всякими чудесами наелся по самое не хочу.

– Что, и даже чаю не попьёте? – ехидно поинтересовался мужик, по-прежнему не снимающий тёмных очков. Впрочем, на фоне остальных странностей это выглядело уже практически безобидно.

– В другой раз, – я старательно улыбнулся, изо всех сил борясь с дурными предчувствиями, которые ледяными червями неожиданно зашевелились в сердце.

– Да ты оптимист, парень! – хохотнул мужик. – Не будет у вас другого раза, малой.

Я хотел было привычно возмутиться, но всё нарастающая

тревога отодвинула детские обидки на второй или даже третий план. Ну выгляжу я намного моложе своих лет, и что теперь? Запаришься каждому объяснять, что мне не девятнадцать.

– Да и хрен с ним, – высказал общую позицию Фишер, поднимая с земли рюкзак и закидывая его за спину. – Не очень-то и хотелось, если честно. Так, просто интересно было, что за камень такой прикольный.

– Глупые вы существа, люди, – задумчиво проговорил мужик, нажимая ногой на неприметный заросший мхом камень, – сначала лезете туда, куда не надо, любопытство ненужное проявляете, а потом сами же и пугаетесь.

Пока он говорил, в частокле что-то громко щёлкнуло, и ворота медленно, словно сами собой начали открываться. Мужик вернулся к «Ниве» и оглянулся на нас.

– Ну так что, идёте? Или назад потопаете?

– Страшновато, если честно, – сказал я, глядя на открывшуюся панораму тёмной, словно вымершей деревни.

– Что конкретно? Идти со мной или брести назад через лес?

– Да и то, и другое как-то стрёмно, – искренне ответил я и вздохнул.

– А почему вы сказали, что люди – глупые существа, – каким-то не своим, надтреснутым голосом спросила вдруг Катрин, – причём сказали так, словно сами к людям не относитесь...

Мужик по-звериному плавно повернулся к ней и склонил голову к плечу.

– Какая внимательная и умненькая девочка, – с пугающе неуместной радостью сказал он, – к тому же ещё и красавица. Вот свезло нам так свезло... Да вы не обижайтесь, девочки, – он шутливо хлопнул по плечу Киру, – никого не обидим, слово даю!

– Прав ты, Фишер, – торопливо, нервно оглядываясь, неестественно бодрым голосом проговорила Диана, – мы, наверное, лучше пойдём. Чего народ по ночам беспокоить? Небось все спят давно, а тут мы, такие красивые. Вряд ли кого-нибудь наше появление сильно обрадует...

Говоря это, Ди медленно отступала от частотола, не сводя перепуганного взгляда с владельца «Нивы», который с непонятной усмешкой следил за её маневром. Остальные тоже подобрали снятые рюкзаки, и через минуту ребята двинулись по грунтовке в обратную сторону, а я почему-то задержался.

– Было приятно познакомиться, – я решил, что, несмотря ни на что, нужно быть вежливым и не уходить, не попрощавшись, – счастливо оставаться. Может, как-нибудь в другой раз заглянем...

– Не прощаюсь, – хмыкнул мужик и, обращаясь персонально ко мне, добавил, – вежливый ты, малой, это хорошо, правильно это. Вежество – это первое дело, так что зачтётся тебе. Обещаю тебе лёгкую смерть и выбор. Слово.

– Спасибо, – я хотел было пошутить или съязвить, но слова застряли у меня в горле: мужик всё же снял очки и сверкнул жёлто-зелёными глазами с вертикальным зрачком.

– Ты чего там залип? – спросил меня Антон, когда я всё же догнал остальных и теперь судорожно соображал, как им сказать о том, что увидел, и нужно ли вообще это делать. А вдруг мне померещилось? Двадцать первый век на дворе, какая может быть чертовщина? Тем более что я крайне скептически ко всему этому отношусь, так как прекрасно знаю, как создаются и раскручиваются все эти жуткие истории о паранормальных явлениях, трёхголовых собаках, летающих блюдцах и прочей ерунде. Я даже «Битву экстрасенсов» ни разу не смотрел, между прочим.

– Да прощался с чуваком, – почти честно ответил я, заработав скептический взгляд Антона, – а что? Любой психолог тебе скажет, что всегда нужно оставлять о себе положительные воспоминания. Ну, по возможности, конечно. Никогда не знаешь, как карта потом ляжет...

– Да я же ничего не говорю, – Антоха пожал плечами, мол, дело твоё, – попрощался и хорошо.

– Странный он какой-то, да? – присоединилась к разговору Кира. – Ночью в тёмных очках только идиоты ходят.

«Или те, кто не готов демонстрировать окружающим свои глаза», – мрачно подумал я, понимая, что даже если попробую рассказать ребятам о том, что увидел, они вряд ли мне поверят. Ещё и посмеются или решат, что я над ними при-

кальваюсь. Поэтому я предпочёл промолчать, хотя и не был до конца уверен, что поступаю правильно.

– Ребят, давайте действительно где-нибудь устроимся и покемарим пару часиков пока не рассветёт, а потом пойдём дальше? – озвучила витающую в воздухе мысль Диана. – Не знаю, как вы, а я устала жутко. Можно не заморачиваться и просто пенки расстелить, куртками накрыться и подремать. Комаров нет, воздух свежий, хвойный – ну красота же... А утром встретим восход, полюбуемся на пробуждение природы и вернёмся уже наконец-то в наш душный, но такой желанный город.

– Всячески поддерживаю, – откликнулся Фишер и, взглядевшись куда-то в сторону, радостно добавил, – а вот и полянка вполне себе подходящая. Странно, что мы её не заметили, когда туда шли.

Я невольно поморщился, так как в сердце снова зашевелилась странная тревога, которую я, при всём моём умении сплестать слова в предложения и тексты, не взялся бы охарактеризовать кратко. Не было усиленного сердцебиения, не потели ладони, не пересыхало во рту – одним словом, не было тех симптомов, которые бывают у испугавшегося человека. Просто в душе стало пусто и холодно, как будто из неё методично начали выкачивать всё светлое и радостное. Сердце словно наполнилось кусочками серого, неприятного льда, острые края которых царапали и кололи, причиняя самую настоящую боль. И всё это было завёрнуто в кокон из пред-

чувствия страшной беды. Оно давило, заставляло сглатывать ставшую вязкой слюну, пробуждало желание бежать... при чём как можно быстрее и как можно дальше. Найти безопасное место и затаиться там, наплевав на всё и всех.

Я повернулся к ребятам: все радостно обсуждали перспективы ночёвки на полянке под сенью вековых елей. Исключением была Катрин, которая смотрела на просвет в стене деревьев практически с ужасом. Глубоко вздохнув, она повернулась ко мне и неожиданно спросила:

– Ты ведь тоже знаешь, что мы все умрём, да? Можешь не отвечать, я и так вижу, что ты тоже чувствуешь, Костик. Ты ведь не просто так задержался, верно? Этот... это существо тебе что-то сказало?

– Существо? – совершенно по-идиотски переспросил я, глядя на изменившееся лицо Катрин: веснушки, обычно еле заметные, ярко проступили на неестественно бледной коже, под глазами залегли тени, нос слегка заострился, а скулы стали чётче.

– Не прикидывайся, – устало ответила она, – мы оба прекрасно понимаем, что он был просто похож на человека. Да он и сам оговорился, когда сказал, что, мол, вы... люди...

– Я не думаю, что он оговорился, – на душе неожиданно стало легче, наверное, от того, что мне, как оказалось, не придётся в одиночку тащить груз странных и непонятных знаний, – мне кажется, он сделал это совершенно осознанно, чтобы проверить, есть ли смысл с нами разговаривать вооб-

ще. Я другого не понимаю...

– Чего?

– Почему оно нас отпустило?

Катрин закусила губу и побледнела ещё сильнее, хотя, казалось бы, уже некуда. Её обычно сверкающие весельем глаза превратились в лунном свете в два тёмных провала, и из них, казалось, ушла жизнь.

– Оно не отпустило, – она посмотрела мне в глаза, и я снова поразился той обречённости, которой был полон её взгляд, – оно знает, что мы вернёмся, понимаешь?

Я кивнул, потому что, стоило Катрин произнести эти слова, как я с удивившей меня самого ясностью понял: мы неизбежно вернёмся в эту странную Стылую Топь. Причём вернёмся для того, чтобы остаться там навсегда. Потому что мы все там умрём...

Именно не осознанное раньше понимание этого и было причиной той тоски и безнадёжности, что терзали меня. Сейчас же слова были сказаны, и иллюзий не осталось. Со всем.

– Скорее бы уж... – прошептала Катрин, – всегда знала, что ожидание – это самое страшное. Не смерть, нет, с ней уже не поспоришь... А вот именно ожидание конца, осознание неизбежности и собственного бессилия перед теми, кто решил твою судьбу.

– Мы ещё поборемся, – сказал я, постаравшись вложить в голос как можно больше уверенности, хотя и не чувствовал

её.

– Спасибо, Костик, ты хороший парень, – бледно улыбнулась Катрин, – но не стоит, правда...

Мы молча смотрели друг на друга, чувствуя, что между нами и остальными словно пролегла невидимая человеческому глазу граница. Они ещё были в мире живых, даже не предполагающих, что таймер с обратным отсчётом уже включён. Мы же вдвоём знали правду, какой бы странной и невозможной она ни была.

Свет луны заливал симпатичную круглую полянку, на которой расположилась наша компания. Народ, уставший после длительного перехода, с энтузиазмом устраивался на ночлег. Места хватало, и Фишер не переставал удивляться, что мы не заметили такое прекрасное место для отдыха по пути к Стылой Топи. Мы с Катрин лишь переглянулись, когда он в очередной раз сказал об этом: мы-то понимали, что от нас ничего не зависело. Можно было пройти вплотную к полянке и не увидеть её, что, собственно, и произошло. А теперь, когда мы «отметились» у Стылой Топи, нам её и показали. Просто потому что теперь мы никуда не денемся. Это странное место словно поставило на каждом из нас невидимое клеймо.

Зажевав по протеиновому батончику и запив их остатками воды, все стали укладываться, и мы с Катрин, не сговариваясь, расстелили свои пенки рядом. Это не укрылось от внимания остальных, и мы заработали пару в меру ехидных

комментариев от Фишера, насмешливый взгляд от Дианы и удивлённый – от Киры. На большее ребят не хватило: все просто слишком устали.

Когда я устраивался на пенке, подложив под голову свёрнутую и засунутую в пакет запасную одежду, мне казалось, что я не усну ни при каких обстоятельствах. Но, как ни удивительно, стоило мне закрыть глаза, как я провалился в тяжёлое мутное забытие.

3

Глава 3

Я шёл по бескрайней равнине, от неба до земли затянутой пеленой серого тумана. Не знаю вообще – было ли там небо, или вместо него над унылой землёй бесконечным, уходящим в никуда куполом нависли белёсые неприветливые клочья. Воздух был сырым и холодным, влажные ледяные пальцы забирались под одежду и холодили кожу. При этом не было никаких запахов, то есть вообще никаких: не пахла мокрая земля, не доносилось запахов жилья, лишь иногда можно было с трудом уловить едва заметный аромат тления. Он настигал, проникал внутрь, постепенно пропитывал изнутри, становясь почти невыносимым, и снова исчезал. Воздух опять становился стерильным, безликим, лишённым даже намёка на жизнь.

Под ногами чавкала раскисшая от постоянной сырости земля, давным-давно превратившаяся в грязь. Она комьями налипала на обувь, превращая каждый шаг в испытание.

Не знаю, сколько времени я уже месил эту жижу, но с каждым шагом переставлять ноги становилось всё сложнее. Я посмотрел на обувь и как-то устало удивился: на ногах вместо привычных летних «бутексов» были сапоги без шнуровки, слишком высокие и непривычно мягкие, на тонкой подошве. Про подошву я просто догадался, так как увидеть её не представлялось возможным: сапоги были облеплены грязью по щиколотку, но неровности почвы ощущались отчётливо. Интересно, зачем мне такая креативная обувь? И откуда она у меня взялась?

Постепенно из тумана начали проступать контуры домов, пустые тёмные окна которых, с выбитыми кое-где стёклами, казалось, пристально смотрели на меня. Внимательно и как-то очень недобро: мне явно не были рады в этом странном месте. Вот скрипнули и повисли на одной петле ставни, распахнувшись от несуществующего ветра, но звук был каким-то смазанным, приглушённым, словно доносился издали. Вообще вокруг царила странная, какая-то неправильная тишина: по идее, в таком месте должны непременно водиться хотя бы крысы. Я пожал плечами и, решив ничему не удивляться, направился вперёд. Как ни странно, я не чувствовал ни страха, ни растерянности – словно всё шло именно так, как и должно было идти, и я находился там, где и должен был.

Дома постепенно становились выше, одноэтажные строения сменились более высокими, вместо деревянных стен

всё чаще попадались каменные. Не изменилось только общее впечатление заброшенности и пустоты. Было очевидно, что здесь уже давно никто не живёт... Пару раз, правда, мне показалось, что в белёсой мгле мелькнули какие-то силуэты, но это вполне могли быть просто более плотные клочки тумана. Я опустил взгляд и как-то на удивление спокойно констатировал, что грязь с сапог загадочным образом исчезла.

Город – откуда-то я знал, что это именно город – казался вымершим, но я точно знал, что это не так.

Не успел я об этом подумать, как из ворот, что зияли выломанными створками на противоположной стороне улицы, вышла здоровенная псина. Остановившись, я привычным движением выхватил из ножен клинок, как-то мимоходом удивившись его наличию. Недлинное, слегка расширенное к концу лезвие чем-то напоминало восточную саблю, но память – моя ли? – услужливо подсказала название «фальшион». По лезвию словно пробежали золотистые искорки, а может, это просто пробившийся сквозь туман луч света отразился от металла.

Псина злобно оскалилась, что не сделало её и без того непрезентабельную внешность симпатичнее: дело было в том, что у собаки не было шкуры. Кости были, мышцы тоже присутствовали, а вот кожа и мех куда-то исчезли, превратив зверюгу в ходячее анатомическое пособие и явно не сделав её характер более добродушным. В принципе я её прекрасно понимал: отсутствие шкуры не способствует улучшению

настроения.

Зверюга внимательно посмотрела на моё оружие, и я готов был поклясться чем угодно: она его узнала. Узнала и испугалась. Этот ли конкретно меч она встречала раньше или другой, похожий на него, – не существенно. Важным было наличие у дохлой псины – как-то я не встречал живых зверей без кожи – сознания и умения выстраивать логическую цепочку, даже самую примитивную.

Недовольно и разочарованно зарывав, собака отступила во двор, из которого недавно появилась. Интересно, она там одна, такая красивая? Очень хочется в это верить, так как одному мне со стаей свежих муэртос не справиться.

Стоп! – откуда в моей голове это странное слово явно испанского происхождения? И почему я совершенно точно знаю, что этим словом называют любое псевдоживое существо? И с чего я решил, что эта собака умерла недавно?

Что вообще происходит, вашу мать?! Где я? Кто я?! Ход мыслей мой, Константина Храмова, значит, это всё-таки я. Но почему параллельно с моими привычными знаниями у меня появились сведения и навыки, которых никогда прежде не было даже близко? Ведь, когда я вытащил меч, я даже не задумывался, как его держать и, зуб даю, абсолютно спокойно пустил бы его в дело. Я притормозил, и память услужливо показала мне «в ускоренном режиме» несколько стоек, переходов и приёмов. И это при том, что я никогда в жизни не интересовался холодным оружием и уж тем более мечами.

Я лихорадочно принялся ощупывать себя: лицо вроде моё, хотя покажите мне человека, который на ощупь смог бы наверняка сказать, изменилась его внешность или нет. Глаза, нос, рот, уши – всё на месте, вроде бы привычной формы и размера, а вот детали пока остаются загадкой.

Двигаюсь я привычно, значит, рост и комплекция у меня остались прежними, иначе я неизбежно чувствовал бы дискомфорт. Руки вроде бы мои, вот и шрам между большим и указательным пальцем присутствует, но при этом на ладонях мозоли, скорее всего, от частых тренировок с мечом. Их у меня точно не было, так как из оружия я всегда предпочитал клавиатуру и экран ноута.

И главный вопрос – почему мне не страшно? Где-то в глубине души я, наверное, понимал, что для обычного сна всё слишком странно и реалистично. Но аргумент «это всё мне просто снится» пока работал: я с любопытством оглядывался и, увидев на старом каменном двухэтажном доме табличку с надписью, направился к ней.

Буквы были незнакомыми, похожими на греческий алфавит, но, как ни странно, слова были понятны. Вот ведь бред какой: букв не знаю, а читать могу.

«Фонарный тупик, 13.

г. Стылая Топь».

Стылая Топь? Прикольно... То есть это та самая деревня, в которую мы шли, и возле которой, по словам Антохи, располагалось какое-то «место силы»? Но на то заброшен-

ное поселение, которое я смог увидеть с частокола, это место походило слабо. Там точно не было ни двухэтажных домов, ни зверей без шкуры, хотя насчёт последнего я не поручился бы. Если в Стылой Топи обитают существа, подобные тому мужику на «Ниве», то где гарантия, что его двор не сторожит такая вот собачка.

Мои размышления прервал странный скрип, словно кто-то ехал на телеге с несмазанными колёсами. Но телега ведь не могла ехать самостоятельно, а ни стука копыт, ни шума двигателя не было слышно. Только раздражающее слух «скрип-скрип»... «скрип-скрип»... Было что-то в этом звуке настолько неприятное, что я невольно поморщился, как от зубной боли. Желания спрятаться не возникло, так как я прекрасно знал – хорошо бы ещё понять, откуда! – что чимпис для меня совершенно не опасен. Пока он развернётся, я буду уже на другом конце переулка. К счастью, стрелять своей ядовитой слюной он в состоянии только вперёд, так уж у него устроен панцирь: повернуться это порождение Изнанки может только целиком. Но зато если уж кому-то не повезёт, и на него попадёт хотя бы капля, то можно бронировать место на погосте. Противоядия от слюны чимписа не существует. Жертва теряет сознание и буквально в течение пятнадцати минут превращается в мягкое желе, которое этот гигантский червяк с удовольствием и потребляет в пищу. Как по мне, так нет ничего отвратительнее, чем закончить свой жизненный путь в желудке тупой панцирной сороконожки.

Я прижался спиной к стене очередного заброшенного дома, чувствуя сквозь одежду исходящие от неё волны ледяного холода, и приготовился ждать, пока чимпис проползёт мимо меня в поисках очередной жертвы. Можно было бы, конечно, рискнуть и, используя эффект неожиданности, попробовать убить тварь, но даже сорок реалов, которые отвалит Гильдия за слюнную железу чимписа, не стоят того, чтобы ставить на кон свою жизнь. Особенно сейчас... Стоп, а что такого происходит сейчас? И что за Гильдия? И откуда у меня сведения о том, что она покупает такие странные штуки и платит за них сорок реалов. Кстати, а реал – это сколько? Много? Мало?

Эта раздвоенность сознания начинала всерьёз меня беспокоить: сон – это, конечно, хорошее объяснение, но как-то он всё сильнее смахивает на реальность.

Скрип стал совсем отчётливым, и из тумана медленно выплыло нечто, больше всего похожее на гигантскую, метров тридцать в длину, толстенную гусеницу, покрытую светло-серым панцирем, состоящим из крупных пластин. Выглядело страшилище достаточно неповоротливым, но я откуда-то – даже не буду пока задумываться над этим – знал, что это не совсем так. Чимпис с трудом разворачивался, так как пластины на боках соединялись достаточно жёстко, зато вперёд мог метнуться со скоростью арбалетного болта. Нда... интересные у меня нынче ассоциации...

Чимпис притормозил аккурат напротив того места, где

я постарался слиться со стеной, но, к счастью, не смог повернуть свою уродливую голову в мою сторону. Я мысленно поблагодарил создателя этой отвратной гусеницы за такое удобное – для меня – строение панциря. Разочарованно щёлкнув внушительными жвалами, чимпис двинулся дальше, поскрипывая и оставляя в грязи широкий след.

Проводив мега-червяка взглядом, я прислушался, но из тумана не доносилось больше никаких подозрительных звуков. Подумав в очередной раз, что сон как-то слегка затянулся, я пошёл вдоль домов, которые не становились ни более обжитыми, ни более привлекательными. Всё те же выбитые стёкла, сорванные ставни, расколотые двери и выломанные ворота.

Следующая табличка, держащаяся на одном гвозде, сообщила, что я нахожусь на улице Висельников, возле дома номер шесть. В Стылой Топи, разумеется. Куда делись дома с номерами от первого до пятого, пока было загадкой. Как и то, как я мог оказаться на другой улице, если никуда не сворачивал и прошёл от силы мимо пары домов, не больше. На эти суматошно мелькающие мысли вторая половина моего сознания предпочла никак не реагировать. Видимо, сочла не существенными.

Дверь я увидел случайно: просто ключья тумана и серой мглы на мгновение расступились, и я успел рассмотреть надпись: «Гнутый медяк». В отличие от всех дверей, попадавших мне до сих пор, эта была достаточно прочной и вы-

глядела на фоне остальных чуть ли не новой. Окон на здании не наблюдалось, поэтому я без особой надежды повернул массивную ручку.

К моему несказанному удивлению, дверь открылась, причём совершенно беззвучно, и я оказался в небольшом помещении, явно служившим чем-то вроде тамбура между входной дверью и залом. По стенам этой клетушки были развешаны пучки каких-то трав, распространяющих резкий, но приятный свежий аромат. Приглядевшись повнимательнее, я увидел, что часть досок покрыта буквами, сплетающимися в замысловатый и удивительно гармоничный узор. Светильники были развешены так, чтобы освещать посетителя с одной стороны.

В зале, который был хорошо виден из тамбура, сидели люди, а за стойкой возвышался хозяин заведения.

– Светлого вечера, Хуан, – произнёс я прежде, чем сообщил, что делаю, – да обойдут твой дом стороной создания Изнанки, и не покинет тебя твоя тень.

– И тебе светлого вечера, Ловчий, – отозвался похожий на медведя хозяин «Гнутаго медяка» и бросил быстрый взгляд на мою чернильно-чёрную тень..

Остальные, успокоившись, вернулись к прерванным делам, а кое-кто даже приветственно махнул рукой, приглашая за свой столик.

Я же, не отрываясь, смотрел на большой, начищенный до зеркального блеска щит, висевший на стене за стойкой. Да,

несомненно, это был я, точнее, усовершенствованная, этакая голливудская версия славного, но обычного парня Костика Храмцова. Черты лица остались моими, но стали более чёткими и резкими, цвет глаз тоже не изменился, зато заметно выделились скулы, а в уголках рта появились жёсткие морщинки, делавшие лицо более взрослым и строгим. Над левой бровью светлел шрам, которого у меня никогда не было, а в волосах притягивала взгляд седая прядь, заметная даже в моей блондинистой шевелюре. Высокий, жилистый, весь словно сплетённый из сыромятных ремней: не гигант, но сразу видны недюжинная сила и ловкость. На шее на тонкой, но наверняка прочной цепочке висел медальон в форме вытянутого ромба с выгравированной на нём цифрой 12. Опасный тип...

Парень, смотревший на меня с зеркальной поверхности щита, был мною и при этом был кем-то другим. Он, в отличие от меня, явно знал непростые времена и совершал ошибки, за которые расплачивался шрамами и утраченными иллюзиями. Я попытался вспомнить, откуда у меня – того, который в отражении – взялась седая прядь, но воспоминания оказались так хорошо спрятаны, что я понял: чтобы узнать, нужно время. Только если я стану одним целым со своим двойником, я вспомню его – нашу – прошлую жизнь. И тут же пришло понимание: я это непременно сделаю, так как этот уставший строгий парень – неотъемлемая часть меня.

– Ты вовремя, Коста, – я, погружённый в свои мысли, не заметил, как трактирщик Хуан вышел из-за стойки и остановился рядом, делая вид, что поправляет висящие с этой стороны пучки душистых трав, – для тебя есть работа. Оплата, как обычно, по факту. Всё, что сверху – твоё. Я правила чту, ты же знаешь.

– Ещё бы ты их не чтил, – хмыкнул я, полностью уступив своему второму «я» право вести переговоры, – в ином случае с тобой никто не стал бы вести дела, сам понимаешь. Наводчиков много, а Ловчих мало, так что ты заинтересован во мне больше, чем я в тебе, компанеро.

– За что всегда ценил тебя помимо всего прочего, так это за прямоту, – кривовато усмехнулся Хуан, прекрасно понимая, что я прав.

– Что за работа? – я сел за столик в углу, спиной к стене, даже не сомневаясь в том, что имею полное право занять именно это место, пустовавшее, несмотря на его очевидное удобство.

– Эспира, трёхлетка, – негромко проговорил Хуан, ставя передо мной украшенную пышной пенной шапкой кружку и тарелку с нарезанным ломтиками мясом и кусочками желтоватого твёрдого сыра.

– В чём подвох? – так же тихо уточнил я, тот, который Коста.

– Ну почему сразу подвох? – возмущение в голосе Хуана было почти искренним и наверняка могло обмануть ко-

го-нибудь, кто знал этого проходимца хуже, чем я.

– Да потому что иначе ты не предлагал бы это дело мне, – я равнодушно пожал плечами, – с такой работой справится любой ученик пятого или шестого года. Или опять надо тащиться за лес или того хуже – за перевал?

– Нет, что ты! Недалеко от Топи, не как в прошлый раз, – голос трактирщика был слишком честным, чтобы я не заподозрил подставу, – в Яблоневах садах, сразу за Южными воротами.

Так я и думал, когда предположил, что дело нечисто. Яблоневыми садами это место называли исключительно по старой памяти: говорят, когда-то давным-давно там действительно росли великолепные яблони, весной превращавшие окрестности в море бело-розовой пены. Сейчас же там остались только изломанные, скрюченные, словно в судороге, стволы и ветки, пробраться между которыми можно только зная секретные тропы. Отыскать в этом лабиринте сухих, но невероятно прочных ветвей логово эсперы – задача практически невыполнимая. Убить же эту тварь на её территории под силу только Ловчему уровня не ниже Мастера. А нас таких осталось не больше дюжины. Перерождённые и твари Изнанки не дремлют и целенаправленно сокращают число тех, кому под силу с ними справиться.

Теперь понятно, почему Хуан обратился с этим предложением ко мне, а не к кому-нибудь из менее известных и, соответственно, менее дорогих Ловчих. Здесь справится толь-

ко лучший, такой, как я. Нескромно? Может быть. Зато объективно.

– Сто реалов. Шкура, рога и клыки тоже остаются мне, – подумав, назвал я свою цену и никак не отреагировал на возмущённое выражение лица трактирщика.

– Да ты меня без ножа режешь! – зашептал он, почти перестав делать вид, что протирает соседний стол.

– Пока нет, – я спокойно взглянул на него, и Хуан поперхнулся следующим обвиняющим воплем, – но мы можем легко это исправить, не так ли, компанеро?

– Пятьдесят, – сердито проговорил он, – и то предлагаю себе в убыток. Исключительно из уважения к твоему мастерству, Коста.

– Может, мне проще договориться напрямую с купцами? Я сделал вид, что задумался и на самом деле рассматриваю такой вариант. Наверняка Хуан содрал с купеческой гильдии минимум полторы сотни, а то и две. Дело в том, что скоро начнётся короткий сезон торговли с горными племенами, а дорога за Южными воротами, насколько я могу догадаться, перекрыта оголодавшей за время спячки эспирой.

Поэтому даже не сомневаюсь, что купцы отвалили столько, сколько запросил ушлый трактирщик, ибо убытки от пропущенного сезона явно будут намного больше. Нигде кроме окрестностей Стылой Топи нельзя найти и купить некоторые редкие ингредиенты для алхимических зелий. Да и артефакты в лесу и в горах порой отыскиваются такие, за

которые маги готовы платить золотом по весу.

– Так и быть, семьдесят пять, – Хуан недовольно пожевал губами и выжидательно посмотрел на меня сверху вниз.

– Ты не понял, компанеро, – я ласково улыбнулся, но трактирщик почему-то не захотел ответить мне тем же, – я не торгуюсь. Ты или соглашаешься на мою цену, или я допиваю это более чем приличное пиво и иду дальше по своим делам. Кстати, если ты вдруг не в курсе, у тебя тут поблизости ползает чимпис, и, судя по цвету, он здорово проголодался. Пластины панциря совсем светлые, почти белые.

– Проклятье! – Хуан с досадой стукнул ладонью по столу. – Слушай, Коста, давай договоримся...

– С тобой? – я скептически выгнул бровь. – Ты сегодня не производишь впечатления человека, готового к переговорам.

– Давай забудем наши недавние разногласия, – трактирщик почесал в затылке, – ты получишь свои сто реалов, даже сто двадцать, и избавишь меня от чимписа. Это выгодное дельце, Ловчий! Ты ведь ещё сможешь продать Гильдии железу, так что получится солидная сумма. Где одна тварь, там и две, верно? Для такого мастера, как ты, это вообще плёвое дело.

– Не надо считать мои деньги, Хуан, – я уже знал, что соглашусь, и спорил исключительно из вредности характера, – давай лучше...

Договорить я не успел, потому что дверь открылась, и на

пороге появились двое. Высокий хмурый парень лет двадцати, по виду типичный крестьянин, и щуплый седенький мужичонка, держащийся вплотную к своему молодому спутнику. Они остановились в тамбуре, оглядывая зал, словно искали кого-то. Я медленно нашарил рукоять меча, хотя вроде бы никакой опасности эти двое не представляли. Но чутьё, не раз спасавшее мне жизнь, просто вопило о том, что беда близко.

Между тем парень, оглядывавший зал, добрался взглядом до моего столика и словно споткнулся. В его мутноватых глазах вспыхнула такая ненависть, что я даже головой тряхнул: давненько на меня так не смотрели.

– Светлого вечера, синоры, – Хуан кивнул вошедшим, – проходите, располагайтесь...

– Стоять! – рявкнул я, вскакивая и отшвыривая стол вместе со стоявшей на нём посудой.

– Ты что творишь? – хотел было возмутиться Хуан, но я перебил его.

– Я обязательно возмещу тебе ущерб, если синоры смогут объяснить, почему у них одна тень на двоих, – я вытащил клинок, который тут же вспыхнул золотыми искрами.

Хуан растерянно взглянул на пол и побелел, как мел: тень была только у парня. Его спутник, ухмыляясь, сделал шаг вперёд и оказался в зале.

– Ловчий... – прошипел он, не обращая ни малейшего внимания на других посетителей, которые замерли и стара-

лись даже не дышать, лишь бы не привлечь к себе внимания перерождённого.

Парень, который, видимо, нужен был ему исключительно в качестве щита, прикрываясь которым можно преодолеть защиту на входе, побледнел и осел на пол. Очень жаль, но его тоже придётся убить: тот, кого подчинил перерождённый, неизбежно станет таким же. Жаль, но не я придумал этот мир таким поганым.

– Ты ко мне персонально или так просто? – светски поинтересовался я, осторожно перемещаясь и стараясь не отдаляться от стены.

– Откажись от заказа, – неожиданно прошипел седой, – и я даже не убью тебя.

– С чего бы такое щедрое предложение? – я действительно удивился, так как на моей памяти перерождённый впервые вступал в диалог. Обычно эти твари нападали без всяких разговоров и прелюдий. – Эта эспира дорога вам как память? Она чья-то домашняя зверушка?

– При чём здесь эспира? – он оскалился, продемонстрировав внушительный набор клыков, желтоватых от выступившего на кончиках яда. – Я говорю про тот заказ, ради которого ты пришёл в Стылую Топь.

Проклятье, если бы я ещё сам понимал, о чём он говорит! Наши два сознания – Косты и моё – только начали сливаться, и из-за этого какие-то вещи просто исчезли из памяти. Ну вот не помнил я, с какой целью меня принесло в этот за-

терьянный в вечных туманах городишко. Помню только, что мелькала мысль о том, что сейчас мне нельзя собой рисковать, потому что... А вот что «потому что» – не помню, хоть убей.

– Твой интерес в чём? – этот странный разговор нужно было заканчивать. Понятно, что, несмотря ни на что, уйдёт отсюда только один из нас, и мне, естественно, хотелось бы, чтобы это был я.

– Моего хозяина, не мой, – прошипел перерождённый, – ты ему нужен, у него для тебя заказ.

– Заказ?! – не иначе мир сошёл с ума, если хозяин перерождённого хочет дать заказ Ловчему.

– Ты глухой? – он снова оскалился, и Хуан молча сполз по стене, не выдержав этого зрелища.

– Ловчие не выполняют заказов переродившихся, – озвучил я прописную истину, устав удивляться, – это невозможно просто по умолчанию.

– Хозяин, – в шипящем голосе седого проскользнуло благоговение, – не переродившийся, он такой же, как ты. Больше я ничего не скажу. Я должен был передать, я это сделал. Откажись от заказа, Ловчий...

– Я буду разговаривать только с твоим хозяином, – помолчав, решительно произнёс я, – так и передай, если уцелеешь...

С этими словами я прыгнул вперёд, рассчитывая достать переродившегося клинком, но он увернулся и скользящим

движением переместился к двери. Я рванулся за ним, меч полыхнул золотом так, что стало больно глазам, но седой не принял вызова и просто одним гигантским, невозможным для человека прыжком преодолел расстояние до выхода и исчез в тумане.

Я медленно выдохнул, посмотрел на постепенно приходящих в себя посетителей и поднимающегося на ноги и ошалело моргающего Хуана.

– Оставь мне номер, тот, который всегда, – распорядился я, и трактирщик быстро и мелко закивал, – и освежи заклипания на входе, а то ходят всякие, как к себе домой... И парня добей, если не хочешь, чтобы к ночи у тебя стало на одного голодного и любящего кровь постояльца больше.

С этими словами я вышел из «Гнutoго медяка» и, глубоко вдохнув безвкусный холодный воздух, шагнул в клубящийся туман.

4

Глава 4

Я лежал, не открывая глаз и чутко прислушиваясь к тому, что происходило вокруг. Вот щёлкнули замки рюкзака, прошуршала «молния» закрываемого кармана, звякнул котелок или какая-то иная металлическая посуда... Звуки были привычными, знакомыми, совершенно нормальными и замечательно обыденными. Осторожно приоткрыв глаза, я увидел освещённую солнцем полянку, которая при дневном свете выглядела действительно чрезвычайно симпатичной.

Бросил быстрый взгляд на руки и убедился, что всё осталось прежним: привычный шрам есть, но никаких мозолей от меча нет. Значит, это действительно был всего лишь сон. А ведь какой реалистичный! Правду говорят, что область сновидений – самая неизученная.

Я потянулся, улыбаясь солнышку, которое ещё не появилось над верхушками деревьев, а ласково светило сквозь ветки, не обжигая. Поднялся на ноги, нагнулся, чтобы свернуть пенку и запихнуть в рюкзак свою импровизированную подушку, да так и замер. Стоило мне наклониться, как из-под футболки выскользнул медальон в виде ромба, и я уставился на него, как на бомбу замедленного действия.

Это что же получается? Мой странный сон был, как бы это выразиться, не совсем сном, что ли?

Осторожно, словно змею, которая в любую секунду может ужалить, взял в руки показавшийся странно холодным медальон и вдруг заметил, что вместо цифры двенадцать на нём чётко видно другое число – одиннадцать. И откуда-то из глубины сознания, оттуда, где теперь обитал Коста, пришло окутанное грустью и болью понимание того, что в том мире стало на одного Ловчего меньше. Где-то в жутких дебрях Изнанки погиб ещё один Мастер, и нас... да, уже – «нас»... стало ещё меньше.

Воспоминания обрушились волной и погребли меня под собой. Картины прошлого, в котором я никогда не жил, сменяли друг друга, как в калейдоскопе.

Вот мальчишка, как две капли воды похожий на того, что улыбался мне с моих детских фотографий, стоит над трупами двух людей, глядя абсолютно сухими глазами на тех, кто ещё час назад смеялся и шутил. Он молчит, лишь в светлых глазах, таких же, как у меня, сквозь боль начинает пробиваться ненависть к убийцам и жажда мести.

Картинка сменилась, и я уже вижу себя, покрытого ссадинами и кровью, к счастью, чужой, стоящего на небольшой арене против двух здоровенных противников. Я что-то говорю им и смеюсь, а они пытаются достать меня мечами. Но зацепить вёрткого и шустрого мальчишку очень непросто. Откуда-то пришло воспоминание, что тот бой я выиграл, хотя и восстанавливался потом несколько дней.

Не знаю, сколько фрагментов жизни, чужой и своей одновременно, я успел увидеть, но меня окликнули, и я словно вынырнул из вязкой пучины прошлого.

– Костик, ты идёшь или остаёшься? – Диана весело засмеялась, глядя на моё ошеломлённое лицо. – Ты что, ещё не проснулся, лентяй?

– Всё в порядке, – я постарался ответить как можно более беззаботно и, судя по всему, у меня это даже получилось.

Я нашёл взглядом Катрин, которая выглядела чуть лучше, чем вчера, но всё равно была бледной и напряжённой. Она почувствовала мой взгляд и остановилась, пропуская вперёд остальных

– Мы имеем счастливую возможность наблюдать возник-

новение новой пары? – не удержался от подколки Фишер. – Ну, как говорится, совет вам да любовь, голуби мои...

– Завянь, разговорчивый ты наш, – тут же отозвалась Кира, – и вообще, завидууй молча.

Мы с Катрин никак не стали комментировать слова приятеля, и тема как-то сама собой заглохла. Все взвалили на плечи рюкзаки и двинулись по грунтовке в сторону трассы. Ночью мы прошли около километра, значит, осталось максимум часа на полтора, а то и меньше. А там – или попутку поймаем, или доберёмся до ближайшей остановки автобуса.

Размеренно шагая и снова и снова вспоминая свой не то сон, не то явь, я не сразу понял, что все остановились. Лишь буквально уткнувшись носом в спину шедшего впереди Фишера, я понял, что происходит что-то странное. Ребята молча стояли и смотрели куда-то вперёд. Причём никто ничего не говорил, все словно дар речи потеряли.

– Чего стоим? Кого ждём? – нарочито бодро поинтересовался я, протискиваясь вперёд, и тоже застыл на месте.

Утоптанная дорога, по которой мы так замечательно прошли вчера, заканчивалась. Песчаная, усыпанная сухими иглами тропа была словно обрезана ножом: она не растворялась постепенно в траве и кустах, а была именно что закончена. Ровная, словно по линейке проведённая черта чёрной рыхлой земли отделяла дорогу от бескрайнего болота, возникшего словно ниоткуда.

– Болото, – озвучил очевидное всем Антон, – приколь-

но...

– Спасибо, Капитан Очевидность, – нервно хихикнула Кира, не отрывая взгляда от безмятежной на вид поверхности раскинувшейся перед нами топи.

– Ребят, этому наверняка есть разумное объяснение, – Диана, как всегда, подходила к проблеме прагматично, – мы просто свернули где-то и не заметили этого.

– Ни один из шести? – скептически поинтересовался Антон. – Да и не сворачивали мы, шли исключительно прямо.

– Тогда предложи своё объяснение, – Ди воинственно упёрла руки в бока и требовательно посмотрела на нашего предводителя, – я с удовольствием послушаю.

– Давайте рассуждать логически, – миролюбиво поднимая руки, предложил Фишер, – мы все вместе оказались в странной, не сказать хуже, ситуации. И теперь надо не выяснять, чья версия круче, а думать, как нам из этой самой задницы выбраться.

– Золотые слова, – по-прежнему недовольно сверкая глазами, согласилась Диана, – и у тебя наверняка есть какое-нибудь замечательное предложение. Впрочем, в одном я с тобой согласна: мы в заднице.

– Теперь, когда мы выяснили этот, несомненно, принципиальный момент, – Кира сердито посмотрела на спорщиков, – давайте думать.

– Какое оригинальное предложение, – Фишер не смог не прокомментировать, но не из-за желания поспорить, а ско-

рее, по привычке. Это, к счастью, всем было понятно, в том числе и Кире, которая явно хотела ответить что-нибудь язвительное, но заставила себя промолчать. Это было мудро, потому как препираться эти двое могли сутками.

– Тот факт, что вместо трассы мы уткнулись в непонятно откуда взявшееся болото, увы, не подлежит сомнению, – Антон, видимо, придя в чувство, снова взял на себя руководящие функции. – Мы не будем пытаться понять, откуда оно взялось, потому что всё равно ничего путёвого не придумаем. Просто примем это как данность. Итак, есть болото. Его надо пройти... или обойти... в общем, каким-то образом преодолеть. А вот теперь прошу выказываться, но исключительно по делу. Стоны, вопли о пришельцах, попаданцах и параллельных мирах давайте отложим на потом.

Мы молча смотрели на бескрайнее болото, и я вдруг подумал, что есть в этом природном явлении своя, пусть и слегка жутковатая, красота. Нестандартная, но завораживающая и притягивающая... Бесконечные вересковые заросли, пропитанный влагой мох, осока и ещё какая-то трава, названия которой я не знал. Красиво, так и хочется побродить, вдыхая влажный, насыщенный сильными запахами воздух. Но это если забыть о том, что под слоем мха и осоки может скрываться бездонная топь. Причём бездонная в самом прямом смысле этого слова: я как-то готовил материал для одного портала и изучал вопрос. Так вот, я читал воспоминания геолога, который с приятелями как-то решил померить глубину

такого вот «окна». В общем, мужики использовали две бухты троса по пятьдесят метров и трак от ГАЗ-71 в качестве груза. До дна так и не достали, так что глубина может быть совершенно невероятной. И хрен его знает, что в этой пропасти может скрываться. Или кто...

От размышлений меня отвлекла Кира, которая решительно скинула с плеч рюкзак и подошла к границе дороги и болота. Она присела на корточки и стала внимательно рассматривать «ту» сторону.

– Кира, не надо, – Катрин подошла достаточно близко к подруге, но совершенно откровенно старалась не приближаться к болоту, – оставь, не трогай. Давайте попробуем обойти, ведь не может оно быть бесконечным, правда?

– С каких пор ты стала такой трусливой? – Кира снизу вверх посмотрела на Катрин. – Забор не трогай, к болоту не подходи... Что ещё мне не надо делать? Дышать можно? Спасибо хоть на этом...

С этими словами Кира демонстративно перешагнула земляную границу и даже попрыгала на травяном ковре, сменяющем там усыпанную хвоей грунтовку.

– Видишь? Ничего со мной не случилось, я не провалилась в болото, меня не сожрал крокодил, хотя бы потому что они тут не водятся.

Она стояла спиной к болоту и поэтому, в отличие от нас, не видела, как кустики вереска дрогнули и словно расступились, открывая окошко чёрной воды. Оно было похоже на от-

крывшийся глаз неведомого, скрывающегося под слоем мха и травы чудовища.

Я до сих пор не знаю, почему никто ничего не сказал: все как загипнотизированные, смотрели на то, как вокруг появившегося окна поверхность болота начала колебаться, словно потревоженная кем-то, кого пока мы не могли увидеть.

– Что это там? – голос Дианы прозвучал резко, совсем не так, как она говорила обычно, но я даже не повернулся в её сторону. Я не мог оторвать взгляда от чёрного провала в ничто, в пропасть, в не постигаемые человеческим сознанием глубины. Оттуда к нам, сюда, наверх, поднималось нечто настолько чуждое этому миру, что не хватало слов, чтобы это описать. «Не тревожь воду!» – вспомнилась мне фраза из «Властелина колец», и в голове прозвучал голос Вигго Мортенсена.

– Оно поднимается, – прохрипел Фишер, не двигаясь при этом с места и не сводя остановившегося взгляда с чёрного «окна». – Там что – Лох-Несское чудовище? Кира, ты что стоишь, как идиотка? Беги оттуда! Блин...

Кира удивлённо приподняла брови и повернулась к болоту. Постояла, пожала плечами и спросила:

– С чего я должна бежать, Фишер? У вас что – коллективное помешательство по поводу моей безопасности? Это очень мило, конечно, но я как-то и без него обойдусь, честное слово. Я большая девочка...

– Оно сейчас поднимется! – заорал, уже не скрывая страха и невольно делая несколько шагов назад, Антон. – Беги, дура! Быстрее!

– Да кто поднимется?! Чего вы истерите?!

Я вдруг понял, что Кира действительно не понимает, чего все переполошились: она просто не видит ни чёрного «окна», ни расходящихся от него волн. Для неё болото по-прежнему совершенно безмятежно. Это как с поляной, которую ни один из нас накануне не увидел, хотя вот она – совсем рядом с дорогой.

– Кира, просто поверь, – я постарался вложить в голос всю силу убеждения, на какую только был способен, – тебе правда сейчас лучше вернуться, просто перешагни черту и всё. Ну, считай это нашим маленьким глупым капризом. Пожалуйста! Я тебе потом всё объясню, хорошо? И мы вместе посмеёмся над нашими страхами. А сейчас просто перешагни черту...

– Ну хорошо, – Кира сдула со лба светлую чёлку и посмотрела на нас с изрядной долей раздражения, – если вам так приспичило, мне, в конце концов, не трудно.

Все затаили дыхание, словно даже самый тихий звук мог привлечь внимание существа, прячущегося под таким тонким и, как оказалось, ненадёжным слоем травы и торфа.

А я вдруг отчётливо понял: она не успеет. Перешагнув границу, Кира сделала себя уязвимой для сил Изнанки, которые пока не могут существовать в нашем привычном мире.

Они как огромные акулы и гигантские скаты, которые плавают за особо прочным стеклом в океанариуме. Для нас, тех, кто под защитой толстого слоя специального оргстекла, они безопасны. Но стоит встретиться с ними в их родной стихии... Как говорится, бон аппетит, уважаемые хищники.

Кира, сделав роковой шаг за черту, словно забралась в огромный аквариум, полный акул и скатов. То, что она жива, – это просто вопрос времени. Её уже наверняка почувствовали, и сейчас сюда спешат те, кто мечтает урвать хотя бы кусочек. Это как акула, способная учуять каплю крови на расстоянии в несколько миль.

Даже если Кира сейчас чудом сможет вернуться, это не спасёт её: она показала себя, дала возможность запомнить свой аромат, свой вкус, свой облик. И теперь её всё равно найдут, рано или поздно, но это обязательно произойдёт. Откуда я это знаю? Наверное, начинает потихоньку проявляться память Ловчего, который знает об этих тварях гораздо больше меня. И мне нужно будет принять эти знания, осознать, пропустить их через себя, так как что-то подсказывает мне: наши судьбы тесно и окончательно переплелись. Мир Изнанки, уж не знаю, как и когда, но нашёл лазейку в наш мир, и теперь ни за что не откажется от такого лакомого кусочка. А может, так оно всегда и было, просто мы не пересекались? Ведь существует Стылая Топь с её странными – не сказать «страшными» – обитателями. Мы, правда, видели всего одного, но и этого хватило.

И между этими мирами – я, журналист Костик Храмцов, Ловчий Коста.

От не слишком уместных размышлений, которые, впрочем, заняли не очень много времени, меня оторвал громкий крик. Я сбросил совершенно не нужную сейчас задумчивость и увидел, как из «окна» за спиной Киры начинает подниматься нечто.

Больше всего оно напоминало сложенный старый зонтик отвратительного серо-зелёного цвета: такие же вертикальные складки, расположенные вдоль основания. Они слегка шевелились не то от ветра, не то сами по себе, и по ним стекала болотная жижа.

– Что это, мать вашу? – прохрипел Фишер, во все глаза глядя на медленно покачивающийся на ветру трёхметровый «зонтик».

Ему никто не ответил, так как все таращились на невиданное существо, которое, казалось, прислушивалось к окружающему миру. Ну, или принюхивалось... И ни у кого даже сомнения не возникло в том, что оно живое и мыслящее.

Катрин сжала мою ладонь ледяными пальцами и исподлобья смотрела на монстра и на Киру, за спиной которой он раскачивался.

– Панталис, иначе – Болотный Хозяин, – неожиданно для самого себя прошептал я, – от него нет спасения простому смертному. Не нужно было переступать черту, не нужно было тревожить воду.

Катрин посмотрела на меня, и в её глазах вспыхнула искра понимания, тут же, впрочем, погасшая. Она отвернулась и теперь смотрела на Киру, прижав к губам свободную ладонь, и, казалось, что-то шептала. А может, молилась – я просто не знаю.

Тем временем Кира пыталась перейти черту, которую с лёгкостью преодолела несколько минут назад. Теперь же её словно что-то отталкивало, не пускало на эту сторону. На лице нашей неунывающей блондинки сначала появилось выражение искреннего, почти детского удивления, которое достаточно быстро сменилось гримаской испуга, а потом исказилось от настоящего ужаса. Она билась в невидимую стену и никак не могла сделать тот самый последний шаг, отделяющий её от простого привычного мира.

Диана хотела было кинуться ей на помощь, но Антон перехватил её, не пуская, и заорал:

– Ты совсем ненормальная, куда ты лезешь?! Помочь ты всё равно не сможешь, только сама пропадёшь!

– Предлагаешь просто стоять и смотреть?! – рот Дианы некрасиво перекосился, на щеках горели красные пятна, тёмные волосы лезли в глаза, и она нервно отбрасывала их в сторону. – Вы же мужики! Ну сделайте же хоть что-нибудь!!

– Что? – каким-то тусклым, мёртвым голосом спросил Фишер, глядя, как Кира в отчаянии пытается кулачками разбить невидимую преграду. – Мы можем только умереть вместе с ней. Хочешь? Иди...

Диана ничего не ответила, вырвалась и, подбежав к черте, рухнула на колени, глядя на мечущуюся с той стороны Киру. Было очень странно видеть, как человек не может преодолеть совершенно невидимую стену: я почему-то вспомнил мимов, которых видел как-то в Париже. Они тоже прикладывали ладони к «стене», создавая у зрителей впечатление невидимой преграды. Но тогда это было забавно и интересно, а сейчас... Сейчас это было страшно.

Тем временем Панталис, видимо, принял какое-то решение, так как складки зашевелились активнее, и от них в сторону Киры потянулись тонкие серо-зелёные нити. Они касались её и словно впитывались под кожу, не нанося никакого видимого вреда. Более того, казалось, она даже не замечает этого.

– Ей хотя бы не больно, – прошептала Катрин, по-прежнему стискивая мою ладонь изо всех сил, – я бы тоже хотела так, без боли... Я очень боль не люблю, боюсь её... И кровь не люблю... Как ты думаешь, мне повезёт?

– Что ты такое говоришь, – я, конечно, хотел бы, чтобы уверенности в моём голосе было больше, но я и так сделал всё, что было в моих силах. Даже улыбку смог из себя выдавить.

Между тем Панталис перестал опутывать Киру своими нитями и, к невероятному удивлению и облегчению всех, так же неспешно опустил в «окно». Вересковые кустики дрогнули и сомкнулись над тем местом, где только что стоял Бо-

лотный Хозяин.

И в ту же секунду, как окончательно исчезло чёрное «окно», беззвучно лопнула стена, за которой металась Кира, и девушка буквально вывалилась на дорожку. Фишер бросился к ней и прижал к себе, рыдающая Диана обняла Киру с другой стороны, и невнятно, глотая слова, повторяла:

– Ты жива... мы не знали... и не помочь... а оно не пускает... и верёвки эти...

Кира неуверенно улыбалась и гладила по плечам тискающих её ребят, успокаивая и убеждая, что теперь всё в порядке. Антон хмуро смотрел на эту суету, но подходить к остальным не спешил. Мы же с Катрин молча стояли в стороне, и я чувствовал, что во всём происходящем есть что-то глубоко неправильное. Так в красивой мелодии порой проскальзывает фальшивая нота и портит всё впечатление. Вот и в этом чудесном, невероятном спасении Киры была какая-то едва уловимая фальшь, какая-то игра, нечто неправильное.

– Я так испугалась, это ужас какой-то, – Кира говорила, слегка задыхаясь, всхлипывая, вытирая мокрые глаза рукавом клетчатой рубашки, – когда я не смогла выйти, словно стена выросла, и при этом ничего не видно... Это было ужасно!

И вот тут я почувствовал, как по спине пробежал обжигающе холодный ветерок, а в животе появился и стал неумолимо разрастаться ледяной ком. Ни Фишер, ни Диана, ни смотрящий в сторону хмурый Антон не видели, как Кира на се-

кунду отвернулась от утешающих её друзей, и по красивому лицу скользнула усмешка, полная злого удовлетворения.

Она взглянула прямо мне в глаза, и я заметил, как сквозь привычную серо-голубую радужку проступила тусклая болотная зелень. Сейчас на меня смотрела не Кира, а древнее, сильное и чрезвычайно опасное существо. И оно прекрасно понимало, что я его увидел, смог рассмотреть. Губы девушки искривились в хищной усмешке, ноздри тонкого носа затрепетали, словно у почуявшего добычу хищника. Она медленно облизнула губы, но в этом не было ни грамма эротики. Лишь предвкушение загнавшего жертву зверя.

– Костик, спасибо, что помог успокоить меня и не дал окончательно запаниковать, – хрипловатым от слёз голосом проговорила Кира, тщательно пряча в уголках губ и на дне глаз глумливую ухмылку. – Всем вам огромное спасибо, ребята!

– Кира, тебе правда было не больно? – спросила Диана, отходя от подруги и тоже вытирая заплаканное лицо.

– Когда? – тонкие брови Киры удивлённо приподнялись.

– Ну... когда это... когда оно в тебя какими-то нитками запулило, – с трудом подбирая слова и невольно оглядываясь, проговорила Ди.

– Не понимаю, о чём ты говоришь, – равнодушно пожала плечами Кира, – какие нитки? Какое существо?

– Переигрываешь, – очень тихо прошептал я, но по вспыхнувшим болотными огоньками глазам понял, что Кира меня

услышала.

– Но мы же все видели! – воскликнула Диана, не понимая, почему остальные молчат, не подтверждая её слова. – Фишер, что ты молчишь, ты же видел!

Фишер нахмурился и снова обнял Киру, которая незаметно подмигнула мне и охотно прижалась к парню.

– Может, это мы глюк словили все коллективно? – не слишком уверенно сказал Фишер, просительно глядя на нас поверх головы Киры. Было видно, что ему до одури хочется, чтобы всему произошедшему нашлось простое логичное объяснение. – Я читал, что возле болот часто такое случается. Происходит выброс болотного газа – и всё, клиенты готовы, глюки в полный рост. А там в нём и метан, и сероводород, и радон... От такой смеси не только трёхметровый монстр привидится, тут и летающее блюдо запросто заметить можно. И даже на нём покататься...

– Конечно, – легко согласилась Кира, – естественно, это был просто выброс болотного газа. Нам всем всё привиделось, да? Сейчас отдохнём и пойдём дальше, я уже в полном порядке!

– Что-то не так, – совершенно неожиданно сказал Антон, упорно молчавший всё это время.

– Не так? – переспросила Кира, и глаза её снова вспыхнули тусклой зеленью. И опять этого никто кроме меня не заметил. – Что ты имеешь в виду?

– Мне сложно объяснить, – я, наверное, впервые видел

Антоху таким растерянным, – но я чувствую: что-то изменилось. Ну вот как будто в чистом воздухе откуда-то неуловимо, еле-еле тянет затхлостью, болотом. Понимаю, что бред, но ничего не могу с собой поделать.

– Естественно, здесь пахнет болотом, – к Диане начала возвращаться её привычная бодрость, – мы же возле него стоим. Было бы по крайней мере странно, если бы от него пахло розами или коньяком.

Кира бросила на Антона оценивающий взгляд, словно прикидывая, насколько он опасен и не придётся ли его устранить уже сейчас. Погладив Фишера по плечу, оно отлепилась от него и отошла к своим вещам, чтобы забрать рюкзак и пенку.

Я, сам не зная, для чего, пошёл за ней и молча остановился у неё за спиной. Кира выпрямилась и, не оборачиваясь, негромко проговорила так, чтобы услышал её только я.

– Ты не справишься со мной, Ловчий, – она склонила голову, но так и не повернулась, – не сейчас. Не знаю, как ты проник сюда, но пока ты слишком слаб, чтобы одолеть меня.

– Тогда почему ты не пробуешь меня убить? – я, как ни странно, почти не удивился, что она назвала меня Ловчим. Просто в какой-то момент я принял мысль о том, что у меня есть некая вторая жизнь, о которой я пока знаю до обидного мало. Именно принял, всем нутром, всем сердцем... Мне, когда я читал истории о попаданцах или смотрел кино, всегда казалось, что для осознания нужно достаточно много

времени. А оказалось, что ничего подобного: либо ты сразу принимаешь это как данность, либо ты просто не сможешь с этим существовать. Третьего не дано.

– И получить десяток врагов? Всем известно, что вы за своих глотку перегрызёте, а мне это зачем? В этом мире очень много возможностей, и поверь, Ловчий, здесь хватит места нам всем. Мы не заинтересованы в привлечении излишнего внимания, можешь не сомневаться. И мы будем осторожны, очень осторожны, Ловчий... Если ты опасаясь, что сюда проникнут перерождённые, то напрасно: мы не собираемся делиться с ними этим миром. Он слишком свеж, насыщен и перспективен. Давай разойдёмся по-хорошему?

– Но ведь ты понимаешь, что это невозможно? – я смотрел на напряжённую спину Киры и понимал, что мне придётся её убить. У меня просто нет выбора: я не могу допустить, чтобы порождение Панталиса проникло в город.

– Хочешь меня убить? – негромко засмеялась она. – Ты не сможешь, мальчик. В тебе ещё слишком много человеческого, и слишком мало от Ловчего, к моему счастью.

С этими словами она повернулась, и я не успел отвести взгляд, и, как загипнотизированный, медленно утонул в мерцающих мутно-зелёных провалах.

5

Глава 5

Пока я пил пиво и общался с перерождённым, туман, казалось, стал ещё плотнее и превратился в густую белёсую за-

весу, сквозь которую лишь кое-где просматривались смутные очертания домов и заборов. Влага моментально осела на волосах, на лице, на руках...

Туман был не просто явлением природы: здесь, в Стылой Топи, он был главным обитателем города. Именно ему подчинялась вся непростая жизнь этого затерянного на просторах бескрайних лутросских равнин городка. Он мог расступиться и дать путнику дорогу, а мог закружить, поглотить и увести в сторону от хоть как-то обитаемых мест, прямо туда, где караулят заблудившихся создания Изнанки.

Складывалось впечатление, что туман можно потрогать руками и ощутить под пальцами что-то, похожее на вату или отсыревший пух. Он был не просто холодным, от него тянуло безнадёжной ледяной промозглостью мрачных подземелий и заброшенных склепов. В Стылой Топи давно стали царствовать туманы и расселились твари, для которых место, где почти никогда не бывает солнца, стало идеальным укрытием.

Я сделал от двери «Гнutoго медяка» всего пару шагов, но, обернувшись, не увидел даже намёка на вход: сплошное колышущееся белое марево.

На этот раз я почти не удивился. Наверное, подсознательно я ждал того момента, когда снова окажусь здесь, в городке Стылая Топь. Более того, я хотел снова ощутить себя Ловчим, смелым, опытным, циничным и обладающим удивительными знаниями и способностями. Мне хотелось опять почувствовать в руке странный меч, сверкающий золотисты-

ми искрами. Я понимал, что это совершенно детские стремления и желания: это не компьютерная игра, где можно погибнуть, а потом воскреснуть и продолжить свой путь. И умереть здесь можно самым что ни на есть настоящим образом. К тому же что-то подсказывало мне, что гибель здесь автоматически приведёт к безвременной смерти там, в привычном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.